

«Какой жестокий человек!» — воскликнул Дрогва, когда копейщики Камарича выстроили стену из щитов, направив копья на высоконогих лошадей. Его протест не был бы менее эффективным, если бы эта стена была сделана полностью из камня. Ведь с самого детства каждый мальчик и девочка этой земли знали свой народ как не более чем воинов, одетых в кровь невинных, и эту грязную репутацию не могли смыть никакие учтивые слова.

Теперь рыцарь отступил за передовую линию, а женщины отошли еще дальше.

Эсме двинулась вперед, прочь от них и Корделии. «Назад», — сказала она своей спутнице. «Твоя предусмотрительность ошиблась, Корделия. Эти сумерки будут окрашены кровью».

Но Корделия нахмурилась. «Мне кажется, они не склонны к этому». И действительно, всадники под черным знаменем даже тогда не двинулись с места, их взгляды были почти бесстрастно устремлены на шаркающих всадников Камарича и плачущих женщин. Их предводитель стоял как вкопанный там, где Камарик его бросил, словно все еще не веря, что битва скоро начнется.

«Этот человек пронизателен, — с сомнением сказала Корделия. — Он никогда бы не пришел с таким малым числом людей, если бы предвидел неизбежную битву».

«Этого ты не можешь сказать!» — сказала Эсме, подняв взгляд на скалу. «Сколько еще...»

В этот момент Дрогва резко прервал хаотичные движения. Он крикнул ревом, чтобы привлечь всеобщее внимание. «Мой господин!» — воскликнул он, «Что за буйный нрав? Неужели вы не слушаете человека? Я ожидал большего от вежливого господина, чем этот!»

Сэр Камарик поднял меч, плюнул: "Что еще сказать, варвар? Ты отказался прийти с миром под мою юрисдикцию. Какой еще может быть исход, кроме войны?"

«Разве я судим без суда? Без правосудия? Что есть твоя юрисдикция, как не презрение к чужаку?»

«Ты получишь правосудие. В моем замке».

«Разве я не говорил, что приду с готовностью, если бы не долг? Более того, ваши обвинения не имеют никакого отношения к моим людям, поскольку вы возложили ответственность за наказуемое деяние на их командира, однако вы с готовностью прольете их кровь, прежде чем состоится суд!»

«Если вы действительно так любите своих людей, немедленно сложите оружие, и все будут пощажены и уйдут свободно», — прорычал рыцарь.

«Нет», — варвар взмахнул рукой, потемнев в лице. «Я требую суда! Прямо сейчас. Прямо

здесь. Хольмганг!» — заорал он.

Рыцарь уставился на него. И наконец Корделия угадала намерение истинного варвара. Она быстро накинула плащ, чтобы скрыть высунутый вилочный язык.

«Судебный поединок, — сказал рыцарь, — говоришь?»

«Как бы ни называли это ваши люди, я требую этого. Ваш лучший воин против моего. Или вы будете сражаться сами, маркиз? Если так, то ваш покорный слуга воздаст вам честь в бою!»

Рыцарь заворчал и остановил своих воинов, некоторые из которых побледнели при мысли о сражении с варваром или даже с его обученным избранным. Мало кто из них был трусом, и все же все люди этой земли с детства слышали кровавые истории о северных налетчиках.

Никто из них не знал о косолапости этого человека. Хотя они предполагали, что варвар был ровней рыцарю.

«Я не буду», — наконец сказал рыцарь и повернулся к своим людям: «Кто из вас будет сражаться?»

Лорды и рыцари благородного происхождения, по-видимому, редко сражаются с людьми низкого происхождения лично, если только, по крайней мере, в случае Камарича, его не вынуждает к этому упрямая крестьянская девушка из жалости.

На мгновение, позволенное подумать, некоторые из них могли бы добровольно пойти на бой ради чести и воинской гордости, в этом Корделия не сомневалась. Но Эсме уже спешила, сейчас же направилась к сэру Камарику и воткнула древко копья в землю перед ним. Не прикрытое длинными локонами, которые она собрала, лицо девушки вспыхнуло от волнения, хотя ее глаза были холодными зелеными от застывшей убежденности.

«Прошу вас, сэра, оказать мне честь и признать меня вашим воином».

Камарик, казалось, был вполне доволен ее быстротой. Если бы все его люди съезжились от поединка, это бы плохо отразилось на нем. Тем не менее, он небрежно предупредил: «Ты уверен, неопытный воин? Возможность проявить себя появится достаточно скоро, пока ты следуешь за моим отрядом. И конечно, ты понимаешь, воин, что хотя санкционированная дуэль длится только до первой крови, в пылу боя мало что можно сделать, чтобы колебаться».

«Да, мой господин», — тут же сказала она, подняв копье, даже не пытаясь сделать вид, что она приняла во внимание его предостережение.

«Очень хорошо», — кивнул он. А Дрогве он сказал: «Нашел ли ты бойца и правила, которые тебя устраивают, варвар? Зная твой народ, я надеюсь, ты не погнушался бы сразиться с

женщиной».

Дрогва вежливо кивнул: «И никто, обладающий глазом на таланты, не сделал бы этого». Затем, повернувшись, он рявкнул имя: «Фидель!»

Один из его всадников спешил. Как и Эсме, он воткнул копье в землю. Затем он молча и мрачно двинулся вперед строя, ожидая дальнейших приказов. Под его трехрогим шлемом было достаточно мало следов. Он был крепкого телосложения, и хотя он был худощав, казался гораздо более ловким, чем его косолапый капитан. В то время как остальные всадники с обеих сторон прикрывались деревянными досками с железной окантовкой, этот человек носил с собой кусок цельного металла, который тяжело и неуклюже двигался в его крепкой правой руке. Он также не размахивал длинным мечом, как остальные, но в качестве личного оружия носил топор, полностью выкованный от древка до лезвия как один кусок металла.

«Фидель, приятель», — весело сказал варвар, — «Наш рыцарь маркиз, похоже, беспокоится, что ты можешь усомниться в драке с маленькой девочкой! Что касается меня, то я не против, поскольку знал и имел много свирепых женщин в своей жизни. И, конечно, я преследовал и убивал мужчин, которые были более пугливы, чем зайцы, чтобы обмануть свой пол! Но если мне не изменяет память, а я редко в этом сомневаюсь, ты родом с востока материка, где с женщинами обращаются как с нежными цветами. Стоит ли мне бояться, что твой топор может преждевременно усомниться и, в результате ужасных последствий, приговорить тебя к темнице этого лорда на многие бесполезные сезоны?»

«Вам не о чем беспокоиться, сэр», — ровным голосом сказал мужчина. «Я делаю то, что мне приказано».

«И никогда более сладкого ответа не было слышно в ухе командира!» — подбодрил варвар. «Вы слышали его, сэр рыцарь маркиз. Он будет сражаться с вашей девушкой так же охотно, как и с вами. Он прекрасный человек. Он пересек материк с востока, а затем великий канал в эту землю, по какой-то неземной причине, о которой он не захотел рассказать. Но вот человек, которому вы можете доверять, чтобы он выполнил приказ в опасности. Разве это не то, что мы оба, сэр, должны ценить как лидеры людей?»

«Мне не нравится, когда меня ставят в одну группу с тобой, мужик», — сказал Камарик. «Но продолжай в том же духе. Я устал от твоей болтовни».

Итак, бойцы были понуждены к действию. Но, спешившись всего лишь мгновение назад, Корделия бросилась к Эсме и схватила ее за руку.

«Что теперь?» — прошипела девушка. «Не говори мне, что ты не хочешь, чтобы я дралась!»

«Нет», — прошептала Корделия, — «Сражайтесь сколько душе угодно или как хотите. Но то, что этот человек — грозный противник, вам не нужно говорить. Однако, если вы окажетесь в невыгодном положении, с небольшими шансами на решительную победу, затягивайте бой и будьте осторожны!»

«Почему?» — она странно оглянулась.

«Просто помните об этом».

И Корделия отпустила девушку из своих рук. Взгляд блондинки с сомнением задержался на ней, затем она зашагала прочь.

И теперь в середине двух отрядов дуэлянты приветствовали друг друга. Вокруг них должно было образоваться кольцо, как в то время, когда Корделия сражалась с Камариком на площади Аржентона. Но в этом случае обе стороны были осторожны, чтобы следовать такому обычаю. С угрозой предательского поворота они решили поддерживать свои построения с бдительностью.

«Твой друг, похоже, был обеспокоен», — заметил Фидель. «Ты уверена, что хочешь это сделать, девочка?»

«Разве ты не говорил, что сражаешься, как тебе приказано?» — Эсме, испытывая хватку щита и вес меча, презрительно парировала. «Или это у мужчин с материка в обычае отвлекать противника притворными заботами?»

«Это просто любопытство. Мой топор не ошибается как солдат, но это не значит, что я лишен человеческих мыслей».

«Ты достаточно искусен, чтобы быть посвященным в рыцари», — заметила Эсме. «Зачем соглашаться на роль слуги для этих подлых людей и подлых поступков? Разве твои человеческие мысли недостаточно человечны, чтобы уклоняться от службы злым людям?»

«Ты потеряла меня из-за злой речи, девочка. Ты такая же, как и все остальные из твоего рода, но еще один самопровозглашенный чемпион пустого порядка. Теперь давай сразимся, ибо мое любопытство иссякло!»

«Обвинение без объяснений». Эсме нахмурилась. «Хотя сейчас не время для рассуждений, признаю».

«На страже, говорю!»

И он пришел, как вспышка молнии, сверкнув лезвием топора в одном нисходящем движении. Эсме сначала попыталась парировать его, затем передумала, крутанувшись влево в последнюю секунду. Левша неловко выставил себя после этого решительного удара. Эсме завершила полный круг и полоснула тыльной стороной своего меча, но тыльная сторона его топора поднялась назад вовремя, чтобы отразить ее удар.

Этим одним обменом ударами стиль боя мужчины выдал причину, по которой он выбрал снаряжение. Будучи левшой, он заставил своего противника либо защищаться, либо атаковать.

И все же ни один щит не выдержал бы такого удара, как этот громовой, удара с такой силой и умением, чтобы расколоть пополам даже самую прочную доску. Эсме не ошиблась, попытавшись уклониться влево от него, несмотря на то, что она так сильно подставила себя под его второй удар, если бы у него была скорость, соответствующая его мощи и защите. И эта скорость у него была. Вскоре после того, как он отразил ее меч, его топор снова обрушился, такой же смертоносный, как и прежде. На этот раз Эсме отшатнулась назад, не имея иного выбора, кроме как защитить себя. Топор зацепил железный обод, прокусив его и вонзившись в дерево, но ее щит поддался его движению, вместо того чтобы смертельно потянуть за собой владельца. Ибо она уже с быстрым решением отказалась от скудных средств защиты, отказавшись от своего щита и таким образом освободившись от вихря последовательных атак. Теперь она была свободна, и его топор был пойман в расколоте щите. Как прыгающая гадюка, она вонзила край своего клинка в его нагруженную руку.

И теперь человек не пытался парировать удар своей нагруженной стороной. Его верхняя половина повернулась и со скоростью, противоречащей ее огромному весу, сумела заблокировать удар своей металлической плитой.

Удар Эсме был достаточно силен, чтобы напрячь мускулы его могучей руки; с другим оружием его локоть мог бы подогнуться. Этот же содрогнулся от твердого металла, а затем с громким грохотом разлетелся на куски.

«Дайте этой девушке меч!» — крикнул один из копейщиков.

«Нет!» — закричала Эсме. «Копье! Бросай копье!»

И одна из них это сделала. Она поймала его. Фидель не воспользовался моментом, чтобы атаковать. Он с силой ударил щитом, зацепившись за лезвие топора, по земле, расколов доску надвое, затем отступил. «Мудрый выбор, девочка. Ты была хорошо обучена и сильнее, чем кажешься».

«Я должна была поблагодарить за это своего брата», — мрачно сказала она, пробуя вес одолженного копья. Это была длинная штука, которую бросали всадники, длиной с ее тело и еще в полтора раза больше.

«Ты изначально планировал отпустить свой щит и меч», — заметил он. «Зачем ты их вообще взял? Рискованно делать ставку на момент в бою без оружия».

«Кто знает. Может быть, я хотел затянуть бой».

«Ты говоришь чушь», — нахмурился он.

«Не твое дело. На страже!»

Эсме держала копьё двумя руками, иногда как посох, иногда нанося удары, но в основном, чтобы заставить мужчину отступить с ее командной зоны. С преимуществом в большей дальности, она могла пожертвовать некоторой мерой защиты, чтобы сокрушить его руку со щитом. Ее работа ног была легкой, отбивая у ее противника желание неэффективно броситься вперед. Он наступал, она отступала, отводя и вытягивая наконечник копья ровно настолько, чтобы держать его в пределах досягаемости жизненно важных органов ее противника, а он был занят их защитой, пытаясь войти в свою ударную дистанцию. Отсутствие круга зрителей давало девушке достаточно места для маневра таким образом. И вскоре всем стало казаться, что это становится битвой на истощение.

И все же, чем дольше длился тупик, тем больше росло напряжение, и ни одна душа не могла позволить себе отвести взгляд от очаровательной битвы. Ибо даже когда обе стороны долгое время не показывали никаких признаков усталости, опасные моменты битвы показали, как близко может проскользнуть наконечник копья, не задев плоть на волосок, или как непредсказуемое препятствие на местности может помешать плавным движениям Эсме, угрожая подходящим временем и пространством для ее врага, чтобы подобраться поближе.

Но, как ни странно, обе стороны одержали верх.

«Ты видела это?» — вдруг прошептала Корделия.

«Девушка искусна, мужчина еще искуснее», — ответил Мастема. «И что из этого?»

«Не это». Она прищурилась. Что-то еще. Что-то, что беспокоило ее с самого начала дуэли. Это была магия?

«Если это так, то это не фейри. Ибо я не мог учуять этого, хотя я ограничен наблюдением только через чувства моей госпожи».

«Нет, это другое». Она беспокойно пошевелилась на Хагборне. В отличие от сильного страха, который она испытала в морге и перед склепом, на этот раз ощущение, которое она уловила, было гораздо более тонким. И оно исходило от самой Эсме.

Громкий лязг разнесся по оврагу, когда щит мужчины встретился с наконечником копья Эсме. Он воспользовался моментом, чтобы отступить в сторону, а затем обрушил свой топор на древко. Эсме вовремя выдернула его, затем снова бросилась вперед, угрожая мужчине с небольшого расстояния, которое он сократил.

«Возможно, — рискнул предположить Мастема, — это святая магия. Ибо в отличие от фейских искусств, она свойственна природе смертных, и потому ее гораздо труднее распознать. Некоторые называют ее силой воли, другие — добродетелями. Но это не искусство, противоречащее законам природы».

«Такое, во всяком случае, соответствовало бы ее истинному призванию», — заметила она без

убеждения. Но даже если Эсме обладала тонкой святой магией, что, похоже, и было так, это не повод для празднования. Ибо перемена, которую она только что различила и которая побудила ее к расследованию, заключалась не в ее появлении или усилении, а в том, что она быстро становилась все слабее и слабее. Она не могла выразить это словами, поскольку до сих пор это не проявилось в осязательном изменении в плавных движениях Эсме и ударах ужасающей мощи. Это было всего лишь то, что терзало ее затылок.

Несмотря на то, что Эсме упорно стояла на своем, постепенно оттесняя Фиделя все дальше и дальше, Мастема сказал: «Она слабеет, и не физически».

«Возможно, ее сила обусловлена каким-то условием?» — рискнула предположить Корделия, беспокойно переступая с ноги на ногу. Она боялась, что это странное чувство предвещает нечто большее, чем просто проигранную дуэль. «Ее святая магия или что-то еще? Это условие ослабевает, хотя я не знаю, что именно, и поэтому она ослабла».

«Этот эйнхерий держался на расстоянии».

Корделия кивнула. Это было не его вмешательство, а что-то врожденное в самой Эсме. Она задавалась вопросом, осознавала ли блондинка эту силу или не замечала ее, как и свою божественную природу.

Именно тогда это и произошло. Именно тогда, когда размеренный ритм битвы должен был длиться вечно, Фидель внезапно отказался от активной защиты. Доверившись только поднятому щиту, он бросился в безумную атаку. Риск. В настоящей битве насмерть это был бы понятный ход, потому что даже если Эсме удастся воспользоваться его ослабленной защитой, этого будет недостаточно, чтобы остановить его решительный натиск. И как только он приблизится, ей нечем будет парировать могучий топор. Но это была дуэль до первой крови, и ей нужно было только нанести рану на его плоть, не беспокоясь о том, что будет дальше.

Затем ее нога поскользнулась. В тот момент, когда она поставила ее на землю для выпада, она поскользнулась, почти совершенно случайно. Топор опустился, и она оказалась беззащитной.

<http://tl.rulate.ru/book/114908/5041791>